Шолохов Мих. Александр.

05.07.97.

Сов. Россия. — 1997. — 5 июля.

Тему приходится продолжить

24 мая, в день рождения Михаила Александровича Шолохова, под рубрикой «Размышления на исходе века» была опубликована в «Советской России» моя беседа со старейшим исследователем шолоховского творчества Ф.Г.Бирюковым «Русский эпос» — о романе «Тихий Дон».

Тему приходится продолжить.

Дело в том, что среди откликов на публикацию оказалось несколько писем, в которых затрагивался так называемый вопрос об авторстве. А одна из читательниц с возмущением привезла мне увесистый пятисотстраничный фолиант «Загадки и тайны «Тихого Дона». Итоги независимых исследований текста романа. 1974 — 1994».

Изданный недавно в Самаре большим для нынешнего времени тиражом, этот том черен не только по цвету обложки, но и по содержанию. От первой до последней строки направленный против шолоховского гения, ставшего объектом организованных нападок, всяческих инсинуаций и откровенной клеветы, он требует ответа.

Конечно, отношение к Шолохову — это далеко не единственный факт в истории, когда гений при жизни сталкивается с непониманием и неприятием, продолжающимися также после смерти. По разным причинам — идеологического ли, психологического характера, вплоть до обыкновенной зависти.

То, что происходит вокруг имени и творчества одного из самых глубоких, ярких, самобытных писателей земли Русской, — такого рода. Какие же силы соединились против него?

Об этом речь в сегодняшней моей беседе с доктором филологических наук, профессором Федором Григорьевичем Бирюковым.

Виктор КОЖЕМЯКО.

ЗАГОВОР против ШОЛОХОВА

Виктор Кожемяко. Как это ни горько, Федор Григорьевич, придется обратиться к пресловутому «вопросу об авторстве «Тихого Дона». Да, для многих читателей и почитателей Шолохова такого вопроса никогда не существовало. Но... он упорно создавался и создается! Возникнув впервые в виде туманных слухов сразу же после публикации первых книг романа, почти полвека спустя был реанимирован и даже получил как бы некое «научное обоснование». Я имею в виду книгу «Стремя «Тихого Дона», выпущенную с предисловием А.Солженицына в Париже в 1974 году. И вот передо мной этот вышедший в Самаре сборник: «Загадки и тайны «Тихого Дона». Сказано, что это том первый. Главная мысль всех собранных «исследований» одна: Шолохов не является автором «Тихого Дона». И уже появились в некоторых газетах отклики в поддержку издания. Можно ли вам, да и другим серьезным специалистам по творчеству Шолохова, делать вид, будто ничего не произошло?

Федор Бирюков. Книжка «Стремя «Тихого Дона», автор которой был зашифрован буквой Д* и которую предваряла солженицынская статья «Невырванная тайна», воспринята была мною в свое время как спровоцированное, но абсолютно неквалифицированное, некомпетентное нападение на Шолохова. Подлинным автором «Тихого Дона» признавался донской казак Федор Крюков, а Шолохов — лишь двойником-соавтором, извратившим якобы своим вмешательством гениальный роман. Большинство моих коллег, исследователей шолоховского творчества, считали тогда, что вести полемику на том примитивном уровне, который навязывало «Стремя», — значит унижать престиж отечественной науки. Был расчет на то, что пошумят, поерничают — и угомонятся.

Но есть силы, которым эта «сенсация» очень по душе. За рубежом, а со временем и у нас — на страницах газет и журналов определенного толка, на телевидении — клевета в адрес великого русского писателя была злорадно, торжествующе, взахлеб подхвачена и поддержана.

Теперь мы знаем, кто скрывался за псевдонимом Д*. Это Ирина Николаевна Медведева-Томашевская, литературовед, жена известного пушкиниста Б.Томашевского. Новый, самарский сборник, о котором вы сказали, открывается именно той ее работой, с тем же предисловием Солженицына.

Однако мы видим сейчас совершенно ясно: это не обычная литературоведческая работа, продиктованная интересом ученого к теме. Солженицын включил в сборник главу из своих очерков «Бодался теленок с дубом», которая раскрывает настоящий заговор против Шолохова, организатором которого стал он.

В.К. Он же, Солженицын, побудил Томашевскую взяться за Шолохова, который не входил ведь в круг ее научных интересов?

Ф.Б. Познакомился с ней Солженицын в Ленинграде после того, как она прислала ему свою работу о Грибоедове. Встретились потом в Крыму. И вот там, в гостях у нее, между делом, «на веранде и стоя поговорили несколько минут» о «Тихом Доне». Это было в 1969 году. А незадолго до этого в ростовской газете появилась статья Вл.Моложавенко «Об одном незаслуженно забытом имени». Речь шла о донском писателе Федоре Крюкове. Вот и возникает мысль — передать авторство знаменитого романа «забытому имени».

Договорились — «идти на Шолохова». Обратите внимание, какие слова! Ну чем не заговор? Причем поражает, с какой легкостью необыкновенной ставится колоссальная задача. Оказывается, по Солженицыну, «что не Шолохов писал «Тихий Дон» — доступно доказать основательному литературоведу, и не очень много положив труда...».

В.К. Как же выглядит, с вашей точки зрения, ход этого доказательства?

Ф.Б. Крайне странно, если не сказать — местами просто смешно. Начать с того, что Томашевская «нисколько не была знакома с донской темой, должна была теперь прочесть много книг, материалов по истории Дона и гражданской войны, и донские диалекты, — но ей самой из библиотеки спрашивать было нельзя, — обнаружение! С первого шага требовалась опять чертова конспирация». Это я Солженицына цитирую, из его очерка. Скажите, ну почему нельзя было спрашивать в библиотеках подобную литературу? Солженицын — большой мастер нагнетать страх!

Дали Ирине Николаевне кличку «Дама». Снабжать всеми справками и книгами взялась Лидия Чуковская. «Казачья тема была Люше совсем чужда, но для этой чуждой темы она бралась теперь делать всю внешнюю организацию», стала связной, сновала с материалами то в Ленинград, то в Крым.

Самое главное, да и смешное, вот в чем: Крюкова тогда никто из этой тройки не читал! Но «литературовед высшего класса», как аттестует Томашевскую Солженицын, взялась подвести теорию и убедить, что «Тихий Дон» — белогвардейский роман, который попал случайно в руки Шолохова, и тот приспособил его к выражению иных идеологических установок. Поэтому в романе — «наличие двух совершенно различных, но сосуществующих авторских начал».

«Дама» занялась «отслойкой одного от другого» и установила: первые две книги якобы «принадлежат перу автора — создателя эпопеи», а не Шолохова. «Ряд основных, наиболее впечатляющих и художественно полноценных глав и фрагментов третьей и четвертой книг романа также принадлежат автору-создателю», то есть опять не Шолохову.

В.К. А как обернулось доказательство авторства Крюкова?

Ф.Б. С анализом, сличением стиля Шолохова и Крюкова в свою пользу у Томашевской ничего не получилось. Потому что и без высоких теорий, простым глазом видно: при общности исторического, этнографического, бытового, фольклорного и словарного материала, которая естественна у писателей Дона, эти два таланта очень различны во многом. Эпический склад, динамизм повествования, ритмика фразы, экспрессия создают резко индивидуальный облик шолоховского стиля.

Тройка сыщиков решила тогда испробовать иной путь: подключить «на взрывное соединение» новые возможности — овладеть архивом Крюкова. И овладели. Находился он у Марии Акимовны Асеевой, жены горняка Асеева — друга Федора Дмитриевича. Архив хранился с весны 1917 года. Прослышали, что там находится тетрадка с первыми главами романа.

Однако ничего не получилось и с тетрадкой. Да и напрасно искали: это была наверняка рукопись очерков «На тихом Дону. (Летние впечатления и заметки)», опубликованных Крюковым в журнале «Русское богатство» еще в 1898 году. Сходство заголовков элементарно попутало!

В.К. А все же что вы, специалист, подготовивший к изданию семь лет назад первый у нас сборник рассказов и публицистики Федора Крюкова, можете сказать о нем как романисте?

Ф.Б. Никакого романа у Крюкова не могло быть. Все, что он успевал написать, сразу же публиковалось. Много времени у него, как секретаря Войскового Круга, редактора «Донских ведомостей», отнимала общественная деятельность. В последние годы перешел на публицистику. К тому же роман требует сложного сюжета. А Крюкову он не давался. Природа его таланта была примерно такой же, как у Г.Успенского, В.Короленко,— повести, рассказы, очерки, эскизы, которые держатся на достоверном бытописании, живых подвижных сценах народной жизни, воспринятой любящим сердцем художника, на местном колорите, образности народного языка, акварельном рисунке пейзажей.

В.К. Однако заговорщиков ничто не удержало в их предприятии.

Ф.Б. Ничто. Группа решила: не останавливаться. Сыск принял форму, описанную Гоголем: «Ну что, — сказал Чичиков, — зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать». И начали ворошить давнюю версию.

В 1930 году в посмертном сборнике «Реквием» было опубликовано письмо Леонида Андреева, известного писателя, редактировавшего в 1917 году газету «Русская воля», писателю Сергею Голоушеву. Была там такая строка: «В числе драки забраковал и твой «Тихий Дон».

Пошли тогда, в 1930-м, слухи: отыскался, мол, подлинный автор. Это было как бы в поддержку тем, кто по разным причинам не хотел верить в авторство столь юного писателя такой гениальной книги. Шолохов пишет Серафимовичу: «Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть «вором».

Письмо Андреева прокомментировано Томашевской на восьми страницах. Она пришла к выводу, что Голоушев предложил для печати не свой материал, а главы из уже написанного тогда романа Федора Крюкова. Эти главы Голоушев мог, дескать, получить через Серафимовича, с которым был в дружеских отношениях.

Вывод из этого: роман написан Крюковым. Серафимович якобы хитрил, знал суть дела. «Серафимовичу ли, например, было не знать, кому принадлежали очерки «Тихий Дон» 1917-го? Однако маститый литератор не только не открыл таинственного автора, но, оберегая Шолохова, больше всех заботился о «петлях сокрытия»...

В.К. Вы изучали эту версию?

Ф.Б. Привожу точную справку: очерк принадлежал лично Голоушеву, назывался он — «С тихого Дона», был написан после недельного его пребывания — с 23 августа 1917-го — на Дону. Голоушев тогда же ответил Андрееву: «...Когда я получил назад «С тихого Дона», я пришел в недоумение... Рукопись отдал в «Народный вестник», там ее с благодарностью взяли, и даже про нее перестал вспоминать».

Очерк можно прочесть в московской газете «Народный вестник», №№ 12 — 14, сентябрь 1917, подпись: Сергей Глаголь. Давний и постоянный псевдоним Сергея Голоушева.

В.К. Вот это да! Как же случилось, что «литературовед высокого класса» не доходит до источников и судит наугад?

Ф.Б. А вот так. Это один из характерных показателей уровня всей работы. Но еще большее недоумение и возмущение вызывает, согласитесь, что втиснут в сборник этот материал «Дамы» теперь, когда исследователи уже 17 лет как нашли тот голоушевский очерк! Причем втиснут даже без комментария.

В.К. Значит, умолчанием сознательно обманывают читателей?

Ф.Б. Руководствуются правилом «все средства хороши»... Дело в том, что тройка искала хоть какую-то опору на документальность. Но вот — рухнула последняя надежда. Не вышло. Версия надуманна и отпала. Это почувствовал тогда и сам Солженицын.

Он — за Крюкова как автора, но уже замечает: «Хотя не могу абсолютно уверенно исключить, что — был, жил никогда публично не проявленный, оставшийся всем неизвестен, в Гражданскую войну расцветший и вслед за ней погибший еще один донской гений: 1920 — 1922 годы были годами сплошного уничтожения воевавших по ту сторону».

Выходит, гений создал эпопею, которая захватывает события и 1922 года, успел их запечатлеть художественно и тогда же погиб, «публично не проявленный»... Сказка это.

В.К. Но ведь у Солженицына и на этом версии не кончаются.

Ф.Б. Такой же фантасмагорией надо считать следующий его пассаж: «А знающие донцы называют рядом Петра Громославского, бывшего станичного атамана, баловавшего (так в тексте. — **Ф.Б.**) до революции и литературой, побывавшего и в белом Новочеркасске с Крюковым. Разумеется, бывшему атаману печататься при Советах не светило. Однако в 20-е годы он выдал дочь за Шолохова и был все безопасней по мере утверждения последнего. Умер в престарелости в 50-х годах. И с тех-то пор — 25-летнее молчание». «Молчание» кого? Шолохова. За него, оказывается, все писал тесть.

Даю точную справку: Петр Громославский как атаман ничего, кроме деловых бумаг, не писал. Никогда не занимался литературой. А умер не в 50-е годы — в 1939-м.

В.К. Ну хоть это мог проверить Александр Исаевич? Нет, с Шолоховым явно не церемонится...

Ф.Б. Далеко и лихо понесло то «стремя» новоявленного прокурора по делу великого писателя. Ему ничего не стоит подхватить сплетню, будто издание романа в 1948 году осуществлялось под редакцией... Сталина, что слухи о плагиате в 1929 году смолкли не только потому, что в «Правде» было опубликовано письмо по этому вопросу за подписью Серафимовича, Фадеева и других писателей, а потому, что «сам непререкаемый Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени». Не поспоришь».

Даю справку: письмо Иосифа Виссарионовича Феликсу Кону, откуда взята эта оценка, было опубликовано только в 1949 году, то есть — через 20 лет. Ну где же, скажите, элементарная добросовестность исследователя, коли уж Солженицын взялся за такое дело?

А как он расправляется с «Поднятой целиной» (статья «По донскому разбору» — в том же сборнике)! Лихо опять и крайне высокомерно, да вот незадача — нисколько не убедительно.

В.К. Томашевская ведь не завершила работу, которая, при явных натяжках и обнаруженной бессмыслице, о которых вы говорили, включается в новый сборник и по-прежнему рекомендуется Солженицыным как серьезный научный труд.

Ф.Б. Не завершила. И это даже к лучшему для нее как для ученого. Судя по опубликованному, она была втянута в авантюру. К серьезному исследованию сложной темы не была подготовлена, начала с нуля и тем же закончила. До важнейших исторических материалов не дошла, многое преподносит извращенно. Ей, например, непонятно, почему там, откуда фронтовики-верхнедонцы уходили к красным, в 1919 году против красных вспыхивает восстание. А ведь документы о Филиппе Миронове, командире 2-й Конной, были в руках Солженицына. «Дама» грубо ерничает, пытается представить Шолохова недалеким и невежественным, но сама то и дело попадает в глупейшее положение.

А вот увидела «Дама», что «автор» (по ее раскладке — Крюков) никак не мог описать эвакуацию белых из Новороссийска, которая была уже после его смерти. Но — не растерялась и в этом случае. Материалы к главе об эвакуации, оказывается, «могли поступить к К. раньше, при возврате казаков, п.ч. эвакуация началась еще очень раньше».

Так «воссоздается» история! Прежде чем произошла эвакуация, она... была уже описана Крюковым. За несколько месяцев вперед! Отважная «Дама», ничего не скажешь.

В.К. Да, недостойная в целом вся эта история. Оба смотрятся весьма неприглядно — и работодатель, и исполнительница. Но, кроме «Стремени», в новом сборнике есть ведь и работы других авторов.

Ф.Б. Подчеркну: все — одной и той же направленности! Против Шолохова. Ни для единого из исследований, убедительно подтверждающих авторство его, места в сборнике не нашлось. Не включен даже фундаментальнейший, с расчетами, выполненными на ЭВМ, труд норвежских ученых «Кто написал «Тихий Дон»?» (под руководством профессора Гейра Хьетсо). Что же выходит? Авторы сборника ссылаются на этот труд, критикуют его, а познакомиться с ним самим читатель не имеет возможности. Тенденциозность и заданность таких «Итогов независимых исследований» уже в этом очевидны.

В.К. Я обратил внимание, что больше половины сборника занимает работа А. и С.Макаровых «К истокам «Тихого Дона», частично публиковавшаяся ранее в «Новом мире».

Ф.Б. Видимо, убедившись, сколь бесплодными оказались усилия трех «кладоискателей», эти «исследователи» уходят от категорического утверждения, кто конкретно вместо Шолохова написал «Тихий Дон». «Проблема авторства, — пишут они, — в свете новых данных предстает по-новому. Вопрос о том, кто является автором «Тихого Дона» — Шолохов или, например, Крюков,— представляется некорректным».

И предлагают свое, «корректное»: «У известного нам текста несколько авторов, этот текст не является органически цельным единым художественным произведением».

Словом, состоялось нечто вроде «круглого стола», за которым и создавался роман...

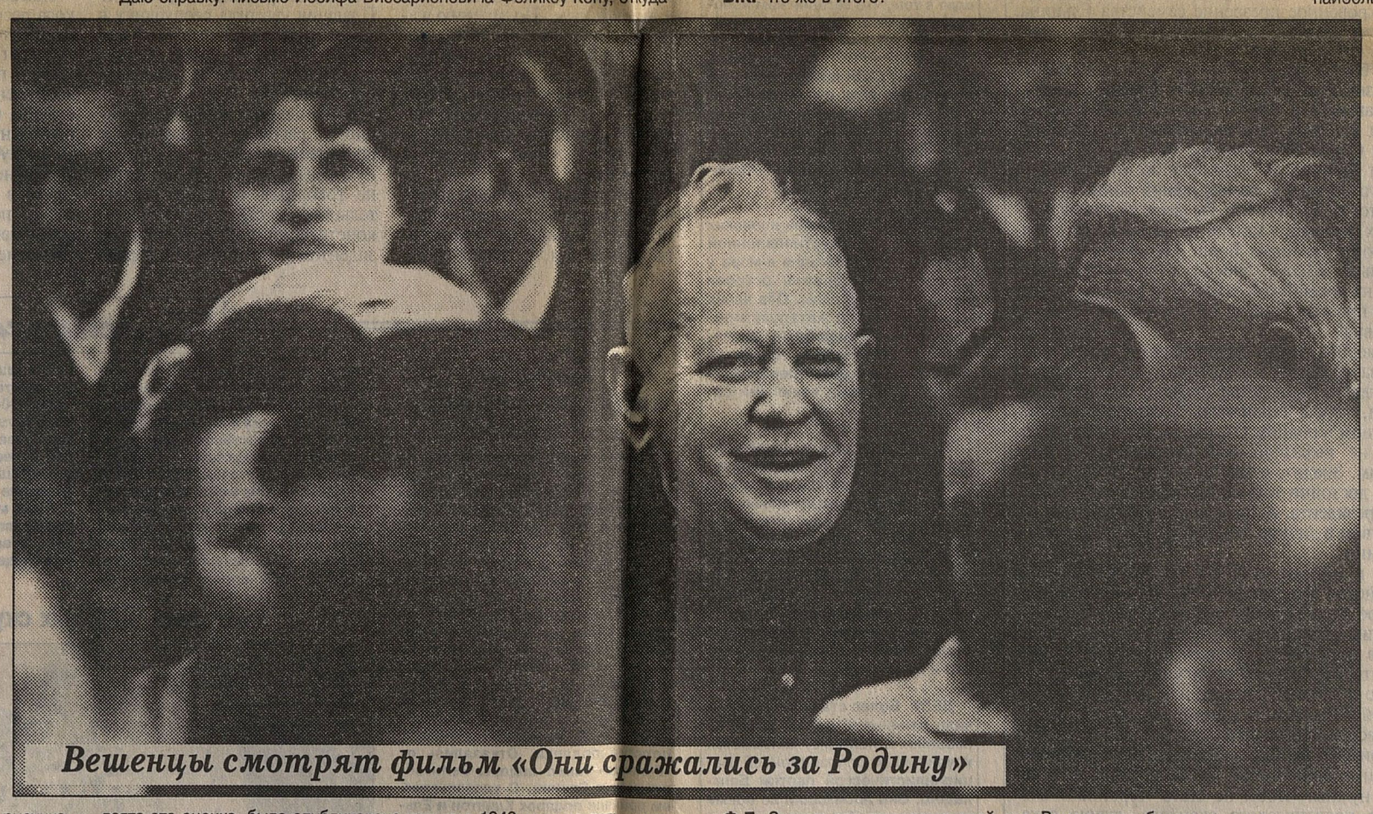
В.К. Какова же, на ваш взгляд, основная цель всего этого глобального антишолоховского предприятия?

Ф.Б. Разговор о творческой истории «Тихого Дона» — лишь прикрытие главного намерения. А оно таково: перекроить классический текст, взорвать его изнутри. Им нужна другая редакция, а по существу — иной «Тихий Дон»!

Что конкретно предлагается? Героев романа, с которыми связана идея народной власти и единства государства, — принизить и развенчать, донских сепаратистов и белых — возвеличить. Если Григорий в запальчивости и озлоблении размышлял сам с собой: «Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда. Биться с ними насмерть... Тряхнуть Москвой, навязать ей постыдный мир!» — на этой позиции он и должен быть утвержден до конца. Никаких «блуканий». Семья Мелеховых должна проявить больше решительности в борьбе за казачий сепаратизм. Дед Гришака слишком противоречив, он не должен расхолаживать Григория и своего сына Мирона, втянутых в междуусобную войну. Снять все эпизоды, где непривлекательно выглядят генералы — Секретев в Вешенской, Фицхелауров, атаман Краснов.

Зеев Бар-Селла, израильтянин, в статье «Тихий Дон» против Шолохова» готов перенести отрывок из «Поднятой целины» — «Могильный курган» — к тому месту в «Тихом Доне», где говорится о генерале Корнилове. Патетический отрывок этот якобы изначально был посвящен другим автором именно ему, Корнилову...

В.К. Что же в итоге?



Вешенцы смотрят фильм «Они сражались за Родину»

Ф.Б. Значит, все принимает иной вид. Роман из глубокого и многогранного, как сама жизнь, превращается в одноплановый и воинственно сепаратистский, антибольшевистский и антисоветский. Сокращается его объем. «Выделив в результате текстологического анализа из основного (художественного) текста чужеродные вставки, мы определили ту его часть, относительно которой мы можем корректно поставить вопрос о реконструкции первоначального текста романа — протографа и его авторства», — подводят итог своего труда Макаровы.

И ведь, того и гляди, это будет учинено! И, чего доброго, предложено в школьные и вузовские программы! Будущие поколения хотят лишить «Тихого Дона», коварно рассуждая вслед за Солженицыным о загадках, помешавших ему «стать книгой высшей, чем она сегодня есть». Уж они, наверное, сделают «высшую».

В.К. Чудовищно! Пусть бы эти «мастера» создали свой «Тихий Дон», оставив в покое то, что существует, проверено временем, восхищает уже не одно поколение.

Ф.Б. Увы, на какие-то нравственные нормы у тех, кто организует злобную кампанию против Шолохова, рассчитывать не приходится. Например, Евтушенко подарил когда-то свои «Стихи разных лет» с надписью: «Дорогому М.Шолохову — неускому и просторному художнику с благодарностью за все». (В его орфографию и стиль не вмешиваюсь). А после смерти писателя печатает воспоминания «Фехтование с навозной кучей», где в главке «Шолоховский Бабий Яр» писатель представлен «уским и непросторным», а какая-либо благодарность отсутствует напрочь — одно лишь злорадное кощунство.

А Солженицын? 20 декабря 1962 года он отправляет из Рязани послание в Вешенскую: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство: как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона». От души хочется пожелать Вам успешного труда, а для того прежде всего — здоровья! Ваш Солженицын».

«Неизменное чувство» оказалось коварно предательским, изменным. Вскоре он начал, как мы видели, формировать конспиративную команду для очернения Шолохова.

В.К. Травля Шолохова невероятно широко ведется нынче — и на телевидении, и в определенной прессе. Уровень нравственности, по-моему, тот же.

Ф.Б. Действительно, уму непостижимо, как легко подвизаются теперь всякие налетчики на писателя с мировым именем. Скажем, газеты «Куранты» и «Вечерний клуб» печатают статьи профессора-механика Геймана Шпиро. И сопровождают рекламой в духе торгашеских зазывал: «Ученый пришел к выводу, что Шолохов вообще никогда не был писателем!» На резонный вопрос, кто же все-таки написал опубликованное Шолоховым, Г.Шпиро дал сенсационный ответ: он считает, что для Шолохова и под его именем работал... Александр Серафимович.

Представьте, Гейман Симонович в автографах Шолохова и Серафимовича обнаружил сходные начертания четырех букв — и на этой основе все шолоховское, в том числе частные письма, передал Серафимовичу как автору. Бред? Однако подается всерьез!

В.К. Развязной и оскорбительной для Шолохова заметкой под заголовком «Автора!» откликнулся в «Литературной газете» на самарский сборник В.Радзишевский.

Ф.Б. Уровень литературной грамотности такой же. «Раззадоренность» одинаково неукротимая. Неосведомленность о предмете суждения зеркально сходная. Это литературные побратимы.

О полной некомпетентности можно судить уже по зачину упомянутой вами заметки: «Кто-то из шолоховской свиты вызвался подсказать патрону, в чем своеобразие романа «Тихий Дон». И с тех пор Нобелевский лауреат охотно повторял, что, обращаясь к эпохе гражданской войны, все писали о борьбе красных с белыми, а он, напротив, — о борьбе белых с красными. Казаков, стало быть, Михаил Шолохов мог называть белыми, хотя в «Тихом Доне» казаки белых не жалуют и себя к ним, естественно, не причисляют».

Одного этого достаточно, чтоб убедиться: рецензент не ведает, о чем пишет. Если бы прочитал роман, нашел бы там и разворот белого движения, в котором принимали участие казаки, и вождей белых — Корнилова, Каледина, Алексеева, Краснова, сближение казаков с ними и отход. Но что можно спросить с крикуна, если все это недоступно его голове? Зато когда разносит — так уж разносит! Хамство в духе Зеев Бар-Селлы, который не признает никаких самоограничений.

Вот, например, как этот Радзишевский «приложил» Шолохова и его героя Соколова из рассказа «Судьба человека». Пережив все ужасы фронта, фашистского плена, семейных утрат, шофер Соколов стал ощущать боль в сердце, жаловаться на удушье. Радзишевский по этому поводу зубоскалит:

«Разговаривают двое суровых мужчин. И один все время жалуется, как на приеме у кардиолога:

— ...Сердце на части разрывается...

— Сердце... будто тупым ножом режут...

— ...Сердце будто кто-то плоскогубцами сжал...»

И так далее.

Прием жульнический: сгруппировал выражения, создал представление, будто фразы идут одна за другой и обедняют стилистику диалога, поиздевался, как завзятый хохмач, тем и отвел душу. А в конце — вопрос: «И нас хотят убедить, что этим же самым пером воздвигнут и «Тихий Дон»?»

Лихо опять-таки. Хоть бы чуточку подумал, над кем и над чем кощунствует. Впрочем, все это не ново. В одном футуристическом сборнике был такой наскок на Пушкина. Точками обозначу грязное словечко, которое непристойно повторять: «А этот прославленный... Пушкин?

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Уж! Уж!

Как деревенская баба: «Аж я затряслась, аж я уронила».

Эффектный прием? Радзишевский неплохо усваивает опыт своих предшественников.

В.К. Какие же выводы следуют из всего этого? Что делать? Как в конце концов защитить имя и дело Шолохова?

Ф.Б. В 1929 году версии о плагиате были признаны обывательской клеветой, враждебным актом и прекращены. Серафимович написал тогда одному из своих друзей — П.Е.Безруких: «Читали ли Вы Шолохова «Тихий Дон»? Чудная вещь. Успех громадный. Шолохов еще мальчуган — лет 25 — 26. Талант огромный, яркий, со своим лицом. Нашлись завистники — стали кричать, что он у кого-то украл рукопись. Эта подлая клеветническая сплетня поползла буквально по всему Союзу. Вот ведь псы! Я и товарищи поместили в «Правде» письмо, что это — подлая клевета, ну поджали хвосты».

Тогда нашли способ обуздать клеветников, пригрозив судом. Это не касалось свободной творческой полемики вокруг романа. Она как раз с наибольшей силой разгорелась после этого.

В наше время клеветники орудуют безнаказанно. Не давали спокойно жить и работать самому писателю, добирались до его супруги — Марии Петровны. Укоряли ее ни больше, ни меньше, как в лицемерии, сокрытии тайны. Так обошлись с уважаемой женщиной!

А разве теперь сколько-то считаются с детьми, внуками? Клеветники агрессивны. Они, даже припертые к стене, не сдаются, кричат на весь мир: «Автора!» Но его нет и не будет — того, другого, кого им хочется иметь. Однако продолжают свое.

Журналист Лев Колодный, разыскавший в Москве рукописи двух первых томов «Тихого Дона», обратился со страниц «Московской правды» к Солженицыну: «Александр Исаевич! Я нашел «Тихий Дон»!». Автор был уверен, что Александр Исаевич проявит интерес, признает наконец свою ошибку и очевидный факт, что провокация провалилась. Но тот даже не откликнулся. По крайней мере публично. Видимо, затаил личную обиду на Шолохова. Но разве достойно это большого писателя?

Считаю: после появления самарского антишолоховского сборника, этого мутного отстойника, где разрабатываются уже конкретные планы опустошения, уничтожения шедевра мировой литературы, нужны конкретные меры противодействия такому варварству. Ведь эпопею пытаются по меньшей мере перевести в иной идеологический и художественный ряд!

Надо наконец навести порядок в переизданиях шолоховских произведений.

Надо решить вопрос о научном издании всего Шолохова, с подробными комментариями, справочным аппаратом, четким изложением творческой истории.

Решить сложный, но очень важный вопрос и об академическом издании.

В.К. В некоторые программы для средней школы, как мне говорили, уже включен раздел о «проблеме авторства «Тихого Дона».

Ф.Б. Такой проблемы нет! А продолжать раздувать ее искусственно — значит преследовать ту же низменную цель, которая направлена на уничтожение великого русского, советского писателя, классика XX века и его величайшего творения. Теперь уже со школы решили начать.

В.К. Федор Григорьевич, у замечательного литературоведа Вадима Кожинова я обратил внимание на такую парадоксальную мысль. Он пишет, что неверие в авторство Шолохова, связанное с изумлением художественной силой «Тихого Дона», его как писателя не принижает, а наоборот — возвышает. Ибо подобных случаев в истории мировой литературы, по мнению Кожинова, лишь три: Гомер, Шекспир и — Шолохов. Сомневались и до сих пор сомневаются, что какой-то бродячий слепой певец мог создать великие эпические «Илиаду» и «Одиссею»; что какой-то второстепенный актер мог написать столько гениальных пьес; что какой-то юноша из продотряда мог родить такое зрелое произведение потрясающей силы. Вот в каком ряду место Михаила Александровича! Ну а у вас, скажите, появлялось когда-нибудь хоть малейшее сомнение в его авторстве?

Ф.Б. Никогда. Ни на минуту. Для меня убедительнейший аргумент, что все известное нам под именем Шолохова написано его рукой — сам текст, неповторимое шолоховское слово. Оно — уникально. И оно едино — в «Донских рассказах» и «Тихом Доне» (во всех четырех книгах!), в «Поднятой целине» и «Они сражались за Родину», в «Судьбе человека» и публицистике. Я, например, читал студентам зачинную фразу «Поднятой целины»: «В конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады». И спрашивал: «Мог написать эту фразу Фадеев? А Леонид Леонов? А Константин Федин? А кто-то другой?» Нет. Только Шолохов!

Так везде и сразу — по интонации, по лексике — можно узнать его. Настолько он неповторим.

В.К. И еще одно соображение позвольте высказать. Сегодня (впрочем, как и раньше) главная причина ненавистнических накатов на Шолохова, может быть, отнюдь не литературоведческая, а политическая. Он ведь коммунист и патриот-государственник, никогда не отказывавшийся от своих убеждений, резко и прямо выражавший их в злободневной полемике. Этого ему не прощали и не прощают. А теперь, в русле объявленной «дебольшевизации» России и необъявленной ее «дерусификации», — особенно! Вы согласны с этим?

Ф.Б. Согласен. Это действительно так. Клеветники ничего не доказали и не смогут доказать, но светлое имя великого писателя продолжают пачкать. В этом и состоит их задача.

Фото **Б. Каралкина.**

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Независимая народная газета
УЧРЕДИТЕЛЬ — коллектив журналистов редакции.
Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации РФ. Рег. № 01318

Главный редактор В. ЧИКИН.
Редакционная коллегия:
Ю. БЕЛОВ, Л.ГЛАДЫШЕВА, В. ИСАКОВ, Ю. НИКОЛАЕВ, В. ПОЛЯКОВ, Е. ПОПОВ (зам. главного редактора — ответственный секретарь), А. ФРОЛОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 125868, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.
ТЕЛЕФОНЫ редакции: 257-53-12.
Распространение: 257-53-00.
Отдел рекламы: (095) 257-53-00.
Факс: 200-22-90.

Редакция знакомится с письмами и готовит их к печати, не имея возможности вступать в переписку.

125865, ГСП, Москва, ул. «Правды», 24.
Типография издательства «Пресса».

Номер подписан в печать в 17.30.
По графику в 17.30

Индекс 50124.
Тираж — 285 000.
Тип. № 12669.

80.